

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И ИСТИНОЙ

РОМАН

Игорь Ленский

Между жизнью и истиной

«Автор»

2026

Ленский И.

Между жизнью и истиной / И. Ленский — «Автор», 2026

«Между жизнью и истиной» — это психологический детектив о человеке, чья жизнь стала балансированием на грани личного финала и одержимости чужой тайной. Егор, выходец с постсоветского пространства, бывший инкассатор с холодным расчетом и острым взглядом, давно сменил бронированные фургоны на тихую работу в службе безопасности. Его мир был предсказуем, пока в нем не появилось дело Нины — девушки, растворившейся в предрассветном тумане без единого следа.

© Ленский И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Содержание	5
Глава	6
Между жизнью и истиной	7
Lensky	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Между жизнью и истиной

Содержание

Cover Page	
Содержание	
Пролог	
Глава 1: Невидимые свидетели	
Глава 2: Клиенты не из магазина	
Глава 3: Щемящее чувство разлуки	
Глава 4: Входящий сигнал	
Глава 5: Исчезновение Нины	
Глава 6: Свой путь в чужом мире	
Глава 7: Дом семьи Мюллер	
Глава 8: Свидетельства и подозрения	
Глава 9: Рецидив	
Глава 10: Снова в строю	
Глава 11: Черный след	
Глава 12: В логове зверя	
Глава 13: Участок деда	
Глава 14: Тяжёлые мысли перед рассветом	
Глава 15: Осколки правды	
Глава 16: Пустота	
Глава 17: Тени прошлого	
Глава 18: Тупик	
Глава 19: Скелеты под домом	
Глава 20: Цифровой след	
Глава 21: Оpozнание	
Глава 22: За закрытыми дверями	
Глава 23: След в Ганновере	
Глава 24: Две правды	
Глава 25: Взгляд из тени	
Глава 26: За решеткой	
Глава 27: Исповедь за решеткой	
Глава 28: Архивный грех	
Глава 29: Скрытая правда	
Глава 30: Разбитое алиби	
Глава 31: Горький кофе в Гамбурге	
Глава 32: Последний аккорд в тени церкви	
Глава 33: Внезапная развязка	
Глава 34: Увядаящая династия	
Глава 35: Бетонный алтарь	
Эпилог: Долгая тень	

Глава

Между жизнью и истиной

Lensky

Пролог

Город спал, укутанный предрассветным туманом, который в это время года всегда казался особенно густым, липким и почти осязаемым. Он медленно полз по мостовым, обволакивая фонарные столбы и скрывая в своем сером мареве очертания домов, превращая знакомые до боли улицы в лабиринт, полный неясных теней. В такие часы тишина кажется абсолютной, почти давящей, но если затаить дыхание и вслушаться — она наполнена шорохами, которые днем поглощаются суетой: далекий, приглушенный гул самого первого раннего поезда, нервный шум ветра, перебирающего листву в кронах старых деревьев, едва слышный, тоскливый скрип незапертой калитки где-то в глубине частного сектора. Мир замер в хрупком ожидании рассвета, даже не подозревая, что это утро — холодное, безликое, пахнущее влажной землей и уходящей ночью — станет точкой отсчета для тех, чья жизнь вот-вот изменится навсегда, превратившись в долгий, бесконечный кошмар.

Там, где еще секунду назад была привычная реальность — недопитая, остывшая чашка кофе на столе, открытая на нужной странице книга, размеренное, умиротворяющее дыхание спящего человека, — теперь осталась лишь зияющая, пугающая пустота. Никаких следов яростной борьбы, никаких отчаянных криков о помощи, которые могли бы нарушить безмятежность ночи. Лишь странное, почти физическое ощущение чего-то оборвавшегося, словно натянутая до предела гитарная струна, которую резко дернули, а затем отпустили, оставив после себя лишь звенящую, мертвую тишину.

Через пару часов город окончательно стряхнет с себя оцепенение. Люди, еще не знающие об этой утрате, потянутся на работу, открывая тяжелые двери офисов и магазинов, а охранники, позевывая, включают мониторы видеонаблюдения, лениво переключая каналы. Они будут просматривать видеозаписи прошедшей, казалось бы, обычной ночи, пытаясь разглядеть на зернистых, черно-белых кадрах то, что безвозвратно скрыто от человеческих глаз. Но никто из них — ни прохожие, ни случайные свидетели, ни те, кто будет вести расследование — еще не осознает, что самое страшное преступление в этом мире — это то, которое не оставляет улик, уходя в никуда, как дым, растворившийся в утреннем воздухе.

Девушка просто вышла за дверь — осознанно или влекомая невидимой силой — и исчезла. А вместе с ней из мира исчезла и та хрупкая правда, за которую спустя мучительный год возьмется человек, привыкший смотреть на мир через объектив камеры, выискивая детали, недоступные остальным. Она стала призраком, запертый в архивах уголовных дел, вопросом без ответа, черным пятном на безупречной карте благополучного пригорода, где до этого дня не случалось ничего, что могло бы потревожить покой обывателей.

Туман продолжал густеть, сгущаясь в тени, и в этой пелене навсегда затерялись следы того, кто нарушил привычный ход вещей. Никто не видел, куда она направилась, никто не слышал её последнего вздоха, и лишь равнодушное небо было единственным свидетелем того, как растворяется в небытии человеческая жизнь, оставляя после себя лишь пустоту, которая со временем станет только глубже. Каждый, кто пытался прикоснуться к этой истории, вскоре понимал: некоторые тайны не предназначены для того, чтобы их раскрывали, а некоторые люди — для того, чтобы их находили. Но Егор, еще не знающий о том, что ждет его впереди, уже сделал первый шаг по тропе, с которой невозможно сойти.

Глава 1: Невидимые свидетели

Представьте комнату, полную людей. В случайно оставленную приоткрытой дверь шмыгают две или три крупные серые крысы. Они озираются, сканируя помещение черными, как бусинки, глазами в поисках опасности, и молниеносно хватают острыми зубами кусочки еды, оброненной кем-то по неосторожности. Затем, с добычей в зубах, они мелкими перебежками исчезают тем же путем, каким и проникли внутрь. Их стремительный визит никто не заметил. Кроме одного человека.

Егор откинулся на спинку старого, потертого компьютерного кресла, покрытого кофейными пятнами. В маленькой душной каморке, заставленной мониторами и аппаратурой видеонаблюдения, стоял густой запах электроники. Он сделал глоток черного кофе без сахара из термоса и задумался о превратностях судьбы. Как она забросила его за две тысячи километров от родного дома, в страну с самой сильной экономикой Старого Света, где он вот уже 22 года остается лишь крошечным, почти незаметным винтиком?

В свои неполные 24 года, теплым апрельским днем, он приехал сюда, полный надежд и оптимизма. Энергии было хоть отбавляй, а голову кружил романтизм и жгучее любопытство — он никогда прежде не бывал в странах «капиталистического мира». После 35-часового автобусного марафона с бесконечными таможенными досмотрами и неработающим кондиционером, первый вдох местного воздуха показался ему глотком чистой свободы.

От воспоминаний его оторвал резкий звонок. В трубке раздался тихий, вкрадчивый голос сотрудника строительного магазина:

— 15-й ряд, темная рубашка, черные джинсы. «Канаке». Видишь?

— Да. Принял, спасибо, — коротко ответил Егор, переключая камеру на нужную зону. Он подумал, что Томасу стоит быть осторожнее в высказываниях, хотя и промолчал — приятельские отношения не позволяли открыто учить его жизни.

Томас всегда расплывался в улыбке, завидев Егора на филиале, и дружелюбно кивал. Но в течение дня он звонил по три-четыре раза, подозревая каждого второго клиента. Егор был обязан реагировать на каждый сигнал, хотя чаще всего они оказывались ложными. Впрочем, появление иностранцев с нетипичным поведением нередко заставляло персонал инстинктивно напрягаться, и, надо признать, не всегда без оснований.

Воровство и порча имущества — повседневная рутина в этой торговой сети. Отработав сигнал, Егор снова вернулся к своим мыслям.

Американские фильмы из 90-х рисовали ему заграницу совсем иначе. Реальность оказалась иной: маленький городок больше напоминал деревню с идеальными газонами, ухоженными домиками и гробовой тишиной даже в разгар дня. Грузный водитель в белой рубашке небрежно выкинул его чемоданы на асфальт и угрюмо указал на ворота приюта для мигрантов.

— Тебе туда, — буркнул он и, едва Егор отошел, вскочил в автобус, крича остальным пассажирам: — Все на места! Отправляемся!

В те годы Германия принимала репатриантов, беженцев и евреев с распростертыми объятиями. Егор ни к одной из этих категорий не относился, но формально въехал как еврейский мигрант — по корням жены, чьи родители уже год как обустроились в стране.

На родине он не верил в успех этой затеи. Там у него была своя жизнь: малый бизнес, налаженный отцом автосервис, его собственная торговая точка с пивом и закусками. Он уволился с картонного комбината, где полтора года после окончания института прозябал в бухгалтерии среди дам бальзаковского возраста, и наконец почувствовал вкус работы на себя. Егору нравилось считать, но работа с цифрами в отделе бухгалтерии не тешила его мужское эго. Да и молодость требовала драйва, а не стабильности. Он не умел и не хотел заглядывать в будущее, предпочитая жить сегодняшним днем.

Всё изменилось, когда пришел вызов. И теперь, спустя 22 года, он смотрел на мониторы, пытаясь разглядеть жизнь там, где другие видели только картинку с камер.

Глава 2: Клиенты не из магазина

Рабочий день тянулся медленно, словно густой сироп, стекающий по стеклу. Солнце, уже успевшее перевалить за зенит, окрасило торговый зал в янтарные тона, выявляя каждую пылинку, танцующую в воздухе. Егор, просидевший за мониторами добрых десять часов, чувствовал, как в глазах начинает рябить от бесконечной череды пикселей, рывков изображения и статического шума камер. Он медленно снял очки, помассировал переносицу и тяжело вздохнул. В помещении пахло разогретым пластиком и дешевым кофе — смесь, которая за годы службы стала для него почти родным запахом.

Егор поднялся со стула, разминая затекшую спину, и вышел из кабинета в торговый зал. Мониторы — это лишь инструмент, холодный и отстраненный, они дают картину, но не дают ощущения. Иногда только живой взгляд, возможность увидеть, как дрогнул мускул на лице или как человек неестественно напряг плечи, позволяет считать истинные намерения за те самые доли секунды, которые отделяют честного покупателя от вора.

Проходя мимо стеллажей с бытовой химией, Егор привычно сканировал зал. Он двигался бесшумно, его взгляд скользил по полкам, лицам, рукам. И тут его внимание зацепилось за пару, стоящую в глубине прохода. Парень — невысокий, жилистый, с короткой армейской стрижкой, которая казалась слишком опрятной для его вызывающе небрежного вида, — толкал перед собой детскую коляску. Рядом с ним двигалась женщина, на добрый десяток лет старше его. Располневшая, в строгом пальто европейского кроя, которое, однако, не могло скрыть характерных черт — смуглую кожу, пронзительно черные, как смоль, глаза и тяжелые золотые кольца, поблескивающие на пальцах. Её внешность громко заявляла о происхождении, но держалась она с таким апломбом, словно владела половиной этого города.

Егор остановился за высокой стойкой с акционными товарами, притворившись, что изучает этикетку на банке краски. Он наблюдал за их «танцем». Парень не глядел на товар, он вообще ни на что не глядел. Его взгляд был направлен в пол, он двигался за женщиной, как привязанная на коротком поводке тень. Женщина же, напротив, была воплощением решительности. Она двигалась по залу уверенно, почти хозяйски, активно жестикулируя и что-то втолковывая спутнику.

Они завернули в отдел дорогого профессионального электроинструмента — зону повышенного риска. Егор почувствовал, как в затылке закололо — безошибочный признак того, что дичь начала свой маневр. Женщина, не мешкая, выбрала три увесистые коробки с перфораторами и шуруповертами последней модели. Она даже не взглянула на ценники. Движением, отточенным до автоматизма, она бросила коробки в тележку, даже не стараясь сделать вид, что они её интересуют.

— Идем, — едва слышно бросила она парню.

Егор не стал ждать. Он развернулся и быстрым, но не привлекающим внимания шагом направился обратно в свой «аквариум» — кабинет охраны. Влетев внутрь, он ввел комбинацию на клавиатуре, вызывая картинку с камер наблюдения этого сектора.

Парочка вела себя как профессиональные игроки в покер, знающие, что их снимают. Они то и дело поглядывали вверх, сканируя потолок, выискивая линзы камер. Егор усмехнулся: они искали стационарные купола, не догадываясь о скрытых широкоугольных объективах, вмонтированных в противопожарные датчики. Убедившись, что в ряду покупателей никого нет, женщина резко остановилась. Её «волчий» взгляд метнулся по сторонам.

— Сейчас, — коротко скомандовала она.

Женщина подхватила младенца — который, как теперь стало понятно, был лишь живым «реквизитом» — на руки, а парень молниеносно, в один грациозный прыжок, перегрузил тяжелые коробки в детскую коляску. Егор с восхищением отметил профессионализм: ни звука, ни лишнего движения. Словно по мановению волшебной палочки, ценный груз исчез в потайном отсеке под лежаком — бездонном, как складки цыганской юбки. Коробки идеально встали в специально подогнанное пространство.

Когда эта «семья» дошла до касс, в коляске лежало оборудования на сумму, превышающую половину месячной зарплаты кассира. Женщина подошла к терминалу, расплатилась за единственную дешевую канистру антифриза, сияя кассиру фальшивой, ослепительной улыбкой, в которой не было ни капли тепла. Они направились к выходу, даже не подозревая, что их «успех» был уже предreshен.

Егор вышел из кабинета, сменив статус наблюдателя на статус охотника. Он чувствовал этот особенный прилив адреналина, который всегда сопровождал его перед решающим моментом. Он шел за ними на расстоянии пяти метров, держась в «слепой зоне» для их периферийного зрения.

Выход. Стеклопанные двери с шумом разъехались, пропуская их в прохладный вечерний воздух.

— Детектив! Пройдемте ко мне в кабинет! — голос Егора, усиленный хладнокровием, прозвучал как выстрел в тишине парковки.

Парень дернулся, его рука инстинктивно дернулась к карману, но Егор уже был рядом, перекрывая ему путь. Задержание прошло буднично, почти рутинно, под аккомпанемент испуганного плача ребенка, которого женщина начала активно прижимать к груди, пытаясь вызвать жалость. Оправдания сыпались из них, как зерна из дырявого мешка: «мы не знали», «это ошибка», «мы просто перепутали».

Егор смотрел на них, не слушая этого словесного мусора. Он знал, что для него всё только начинается. Впереди были часы бумажной волокиты, бесконечные, нудные протоколы, заполнение графы за графой, сведение цифровых доказательств для полиции, которая придет через двадцать минут. Но в этот момент, глядя на их поникшие лица, Егор чувствовал странное удовлетворение. Он был защитником своего маленького мира, его личной крепости, где воры не проходили. Вечер только начинался, и впереди был долгий путь через канцелярский ад, но Егор знал: он на своем месте. Это была его игра, и он в ней выигрывал.

Глава 3: Щемящее чувство разлуки

Мартовское утро выдалось серым, по-настоящему безжалостным. Воздух, пропитанный тяжелой влагой тающего снега, казался густым и холодным, словно он проникал под самую кожу, добираясь до костей. На небольшой автобусной станции, зажатой между старыми, выцветшими кирпичными постройками, было пустынно. Сквозь низкие, свинцовые тучи пробивался тусклый свет, который не давал тепла, а лишь подчеркивал унылость пейзажа.

Егор стоял у подножия своего автобуса, чувствуя, как внутри него растет странное, почти болезненное напряжение. Его родители, мать и отец, стояли рядом, закутанные в добротные, но уже побитые временем пальто. Они всегда казались ему фигурами монументальными, застывшими в своем величии и холодности.

Отец Егора, человек жесткой закалки, чей характер был выкован в горниле тяжелого труда, никогда не умел выражать свои чувства словами. Для него жизнь была чередой задач, которые нужно было решать, не отвлекаясь на сантименты. Он всегда ставил работу во главу угла, превращая семейный быт в подобие военного гарнизона. В доме Егора никогда не было нужды: холодильник был полон, одежда — куплена в лучших магазинах, — но материальные блага были лишь холодными декорациями. Отцовского тепла, того самого, которое заставляет ребенка чувствовать себя защищенным, ему катастрофически недоставало. Отец смотрел на него как на проект, требующий доработки, а не как на сына, которому нужно простое человеческое одобрение.

Мать была не лучше. Поглощенная карьерой, она пропадала на работе с рассвета до поздней ночи. Её жизнь была расписана по минутам, и в этом плотном графике для сына оставались лишь короткие, формальные вопросы: «Как школа?», «Ты поел?». Егор рос предоставленным самому себе, предоставленным тишине пустых комнат. Возвращаясь из школы, он не бежал к родителям делиться новостями, а прятался в маминой библиотеке.

Там, среди пожелтевших страниц, он находил свое единственное спасение. Книги стали его верными спутниками, единственными учителями, которые не требовали отчета, а дарили мудрость. Погружаясь в чтение романов о рыцарях, сыщиках и героях, он обогащал свой внутренний мир, возвышаясь над будничной суетой, над серостью своего воспитания. Именно тогда, через страницы прочитанных историй, в его сердце укоренились идеалы чести, доброты и незыблемой порядочности. С годами врожденное чувство справедливости только обострялось, становясь стержнем его характера, тем самым внутренним компасом, который не давал ему сбиться с пути даже в самые темные времена.

Конечно, он не был книжным червем в привычном понимании. Он был обычным мальчишкой, который любил погонять мяч в грязном дворе, разбивая колени и получая синяки. Но больше всего его тянуло к единоборствам — к той честной, прямой борьбе, где победа зависела только от тебя. Тайком от родителей Егор записался в секцию бокса. Там, на ринге, он чувствовал себя по-настоящему живым. Он терпел удары, учился держать удар, учился не сдаваться, когда легкие горели огнем. Скрывать занятия удавалось ровно до первых серьезных синяков на скулах. Когда правда вскрылась, в доме разразился скандал. Родители категорически запретили бокс, ссылаясь на его «повышенное внутричерепное давление» и слабое здоровье. Егор действительно никогда не был богатырем — худощавый, невысокого роста, он часто болел в детстве, но в нем была скрытая, почти гипнотическая харизма. Это была энергия воли, которая впоследствии всегда производила неизгладимое впечатление на женщин: они чувствовали в этом тихом юноше стальной стержень, который не под силу сломить ни одной болезни.

И вот теперь, в это мартовское утро, вся семья собралась на станции. Егор с женой, отец, мать и младшая сестра. Пятеро людей, связанных кровью, но таких далеких друг от друга в этот момент. Морозящий дождь, холодный и мелкий, усиливал щемящее чувство разлуки, превращая его в физическую боль в груди.

— Я обязательно позвоню, как только доедем, — пообещал Егор, стараясь, чтобы голос звучал твердо. Он протянул отцу ключи от автомобиля, который оставлял ему в пользование.

Они крепко пожали друг другу руки — жест, полный невысказанных слов. Отец посмотрел на него своим цепким, тяжелым взглядом, в котором на секунду промелькнуло нечто похожее на печаль, но тут же погасло. Они обнялись — сухо, по-мужски, коротко. Егор чувствовал спиной прохладу отцовского пальто и запах дешевого табака.

Родители не отговаривали его от переезда. Они относились к этому событию с пугающим равнодушием, словно отъезд сына был делом второстепенным. Лишь спустя двадцать лет, когда Егор уже прошел огонь и воду, отец в сердцах признается: они были уверены, что на чужбине, в большом и жестком мире, у их худощавого сына ничего не выйдет, и он вернется домой через месяц, побитый и разочарованный. Чтобы ускорить этот момент, чтобы урок был «полезнее», родители не оказывали Егору ни существенной финансовой, ни моральной поддержки. Они оставили его одного, бросили в воду, чтобы посмотреть, выплывет ли он.

В том, что Егору за границей придется туго, они оказались правы на все сто процентов. Первые месяцы стали для него адом: безденежье, одиночество в чужом городе, постоянная борьба за право просто существовать. Но родители не учли одного, самого главного: в этой ежедневной борьбе за справедливость, в постоянном сопротивлении обстоятельствам, их сын научился выживать даже там, где другие ломались, превращаясь в пыль. Он уезжал из этого серого мартовского утра не просто мальчиком с книгами, а человеком, чья воля была закалена в самых холодных горнах одиночества. И эта разлука, которая тогда казалась финалом, на самом деле стала началом его настоящего пути.

Глава 4: Входящий сигнал

Статистика раскрываемости у Егора была завидной, и руководство ценило его на вес золота. Но поток мигрантов из стран Восточного блока не иссякал: пособия и надежды на

лучшую жизнь привлекали не только честных людей, но и тех, для кого похищение товаров стало основным доходом.

— Доброе утро, Егор! — радостно поприветствовал его Томас, как только Егор вошел в филиал.

Томас ставил ударение в имени на первый слог, как того требовала немецкая фонетика. Егор давно привык к этому и не поправлял коллегу.

— Привет, — коротко отозвался он, направляясь к своему кабинету.

— Кофе будешь? — крикнул вдогонку Томас, глядя поверх сползших на нос очков.

Егор обожал кофе, а сегодня, в утренней спешке, забыл свой термос дома. Он с радостью согласился, хотя легкое удивление осталось: такая внимательность со стороны Томаса была редкостью. Вскоре коллега постучал и вошел с двумя дымящимися бумажными стаканами.

— Егор, у меня к тебе очень важное дело, — быстро проговорил Томас, передавая стакан.

Егор про себя усмехнулся: значит, «забота» имела свою цену.

— Я слушаю. Только давай поскорее, у меня еще куча запросов от полиции по делам полугодовой давности.

— Я хочу нанять тебя в частном порядке. У моего племянника огромные неприятности. Если возьмешься, получишь приличный гонорар, — просящее выражение на лице Томаса сменилось неизменной приветливой улыбкой.

Егор хотел отказать — он и так был завален работой, а частное расследование требовало времени и немалых ресурсов. Но тут взгляд упал на мониторы. На одном из экранов он заметил двух посетителей: один сидел в инвалидной коляске, второй медленно катил его между рядами. Что-то в их поведении царапало взгляд, вызывая тревогу.

— Давай договорим после смены, мне нужно подумать, — бросил Егор, стараясь не обидеть коллегу. В голове промелькнула мысль: почему Томас обращается именно к нему? Они условились встретиться в ресторанчике напротив сразу после закрытия.

Егор вновь сосредоточился на мониторе. Двое «покупателей» в отделе инструмента вели себя странно: они тщательно изучали коробки с дорогими шуруповертами, изображая экспертов. Внезапно тот, кто толкал кресло, пригнулся, и коробка в его руке исчезла где-то между ним и инвалидной коляской. Егор отмотал запись назад — качество было не лучшим, но сомнений не оставалось. Профессионалы.

Адреналин ударил в кровь. Сердце забилося часто и громко, готовое выпрыгнуть из груди. Это была привычная реакция — как перед выходом на ковер в годы занятий спортом. Но за секунду Егор успокоился: в голове включился хладнокровный алгоритм действий. «Волков бояться — в лес не ходить», — мелькнуло в мыслях.

Он вышел в зал. Действуя незаметно, Егор следовал за ними, боясь упустить из виду в толпе покупателей. Парочка вернулась на исходную точку, и теперь коробки с инструментом начали «исчезать» с невероятной скоростью. На сей раз добыча уходила в искусно пришитую к спинке инвалидного кресла сумку, которая сливалась с обшивкой.

Финал был предсказуем. Заплатив за копеечный удлинитель, они направились к выходу, где их уже поджидал Егор. Полиция прибыла быстро — выбритые, аккуратные, словно с картинки. Они с важным видом вывели «покупателей» из кабинета Егора и повели к ожидающему полицейскому фургону с инвалидной рампой.

Глава 5: Исчезновение Нины

Вечер в Берлине выдался тягучим, пропитанным влажным асфальтом и неоновым светом, который отражался в лужах, словно разлитая ртуть. Внутри было полупусто, пахло старой древесиной и подгоревшим зерновым кофе.

Томас ждал его в самом дальнем углу, в тени массивной дубовой балки. Его фигура казалась болезненно худой в полумраке, а рука, нервно сжимавшая край стола, выдавала крайнее напряжение.

Завидев Егора, Томас вскочил, активно замахав рукой, словно боялся, что детектив может развернуться и уйти в последнюю секунду.

— Извини, задержался, — Егор тяжело опустился на скрипучий деревянный стул напротив, чувствуя, как гудит спина после смены. — Давай сразу к делу. Я выжат как лимон, и у меня нет сил на вступления.

— Да, конечно, — Томас понизил голос до шепота, озираясь по сторонам, словно даже стены бара могли быть на шпигованы прослушивающими устройствами. Его глаза за толстыми стеклами очков казались неестественно выпуклыми от тревоги. — Как я и говорил, дело касается моего племянника. Ты слышал о Нине? Девушке, которую не могут найти уже больше года?

В этот момент официант, молодой парень с безучастным лицом, подошел к столику и с глухим стуком поставил перед Томасом запотевший бокал с ледяным пивом. Егор, не глядя в меню, сухо заказал двойной черный кофе. Когда официант удалился, детектив снова сфокусировал взгляд на коллеге.

— Об этом не слышал только глухой, — Егор сложил руки на груди, чувствуя, как привычный скептицизм начинает брать верх. — Это дело крутили по всем каналам, оно стало городским кошмаром. Но я не пойму, Томас, какое отношение твой племянник имеет к её исчезновению? Полиция же, насколько я помню, его отпустила, хоть и не сняла подозрений.

— Ты не поверишь, но самое прямое! По мнению полиции — единственное, — голос Томаса дрогнул, переходя на сухой кашель. — Егор, мне нужна твоя помощь. Мы знакомы несколько лет, я знаю, что ты — профессионал. Я не хочу обращаться в детективные агентства, которые наводнили город. Я не уверен, что это дело им по зубам, да и доверия к ним нет никакого. Они лишь вытрясут деньги и подsunут фальшивый отчет.

Егор скептически приподнял бровь. Пламя свечи на столе отбрасывало причудливые блики на его лицо, делая черты более жесткими.

— Я давно не занимаюсь частными расследованиями, Томас. У меня нет ни времени, ни сил, ни, честно говоря, желания лезть в чужие жизни. Но... расскажи подробнее. Посмотрим, стоит ли игра свеч.

Томас подался вперед, вцепившись в край стола так, что на пальцах выступили белые пятна. История была Егору известна по газетным заголовкам, в которых правда тонула под слоем сенсаций. Пятнадцатилетняя Нина исчезла рано утром в понедельник из уютного частного дома, где гостила у своей сестры. Последним, кто видел её живой, был Пауль — двадцатисемилетний муж сестры. Сестра ушла на работу в шесть утра, а когда Пауль проснулся около восьми, в доме уже никого не было. Полиция, с маниакальным упорством, сделала его главным подозреваемым в похищении и возможном убийстве.

— Пауль — сын моего брата, — выпалил Томас, и в его голосе прозвучало нечто среднее между мольбой и отчаянием. — Я не верю в его виновность. Никто из родных Нины не верит! Тело так и не нашли, но полиция уперлась в него, как в стену. Пауля арестовывали дважды, устраивали допросы по двенадцать часов, но отпускали из-за полного отсутствия улик. Тем не менее, друзья отвернулись, работу пришлось бросить, соседи смотрят как на прокаженного. Он просто медленно умирает от этого общественного давления. Он сломлен, Егор.

Егор задумчиво рассматривал коллегу: лысеющая голова, высокий лоб, очки, которые постоянно сползали на переносицу, вынуждая Томаса нервно поправлять их указательным пальцем. За целый год работы в магазине коллега ни разу не обмолвился о такой драме, хотя они сотни раз обсуждали происшествия, инвентаризацию и прочую рутину. Егора тронула эта скрытая забота — в современном Берлине, где каждый жил в своем пузыре, самопожертвование ради племянника встречалось крайне редко.

— Хорошо, — коротко сказал Егор, наконец принимая решение. — Я возьмусь. Но мне нужна будет вся информация, которая у вас есть. Мне придется поговорить с сестрой Нины и с твоим племянником. Как бы ему это ни претило. Это будет неприятный разговор, Томас. Ты готов?

Томас просиял. На мгновение его лицо разгладилось, с него словно спала маска многолетней усталости. Он тут же пообещал организовать встречу с отцом Пауля и подтвердил сумму, которая была более чем достойной за столь деликатное и опасное дело.

Когда они вышли из ресторана, город встретил их прохладным ветром. Егор проводил взглядом Томаса, направляющегося к ближайшей станции метро. Детектив вспомнил, что коллега уже давно перестал пользоваться своим огромным американским внедорожником, который раньше парковал прямо у входа. «К чему бы это? Финансовые проблемы или страх быть узнанным?» — подумал Егор, глядя на сутулую спину Томаса.

По дороге домой, в тишине своей машины, он пытался отбросить мысли о былом «зароке» - не браться больше за частные дела. Академия Безопасности Берлина учила лицензированных детективов не избегать «грязных» историй, но Егор всегда относился к ним с брезгливостью. Но дело Нины... это не была грязь. Это был вызов, брошенный обстоятельствами. Егор чувствовал: теперь пути назад нет, и этот шаг окончательно свяжет его с тайнами семьи Мюллеров, о которых он пока не имел ни малейшего представления. Он еще не знал, что эта ниточка приведет его в самые темные закоулки человеческой души, где спрятаны ответы на вопросы, на которые никто не хотел отвечать.

Глава 6: Свой путь в чужом мире

— Русэ! Мебель прибыла, пошли разгружать! — голос Алана, прозвучавший через весь склад, перекрыл гул погрузчиков. Турецкий акцент делал немецкую речь едва узнаваемой, но Егор уже научился улавливать суть.

Прошло всего три месяца с момента переезда. Язык не давался: в ушах стоял непрерывный поток чужих звуков, и лишь редкие слова из разговорника пробивались сквозь этот шум. Егор устроился к турку-предпринимателю, торгующему мягкой мебелью. Алан, его напарник, оказался добрым малым: он не только помогал с тяжелыми диванами, но и терпеливо натаскивал Егора на местном наречии.

Бывали вечера, когда Егор возвращался домой с ноющей болью в коленях и запястьях, всерьез размышляя о том, чтобы всё бросить. Дома его ждали родители, друзья и, главное, отсутствие языкового барьера, из-за которого здесь он чувствовал себя человеком второго сорта. Но характер не позволял дать слабинку. Он отгонял эти мысли, напоминая себе: у него есть надежный тыл, и он еще поборется здесь за свое место под солнцем.

Егор наивно полагал, что стоит лишь заговорить на немецком, как двери капиталистического мира распахнутся, а его хватка ослабнет. Он продолжал учиться, и через несколько лет решил, что готов к большему. Скопив денег, он открыл пиццерию с доставкой. «Справлюсь, — думал он, — опыт бизнеса на родине никуда не делся».

Это были три года опустошения. Двенадцатичасовой рабочий день, борьба за выживание, жесткая конкуренция. Он уставал больше, чем на складе, а финансовое положение почти не изменилось. Полагаясь на «русский авось» и не зная тонкостей немецкой экономики, он бросился в омут с головой. Поняв, что коммерция — это не его, Егор продал пиццерию за гроши, лишь бы выйти из этой игры.

Он не искал богатства. Он искал стабильности, которая позволила бы ему оставаться независимым. Егор начал понимать: настоящей свободы не существует, есть лишь длина поводка, на котором сидит каждый. Кто-то не осознает этого, кто-то боится удлинить поводок, чтобы не рисковать призрачным комфортом. Егор же чувствовал, что его поводок стал совсем коротким.

Подавленный, он начал ходить в спортзал. Смешанные единоборства, бразильское джиу-джитсу — здесь половина спортсменов были такими же эмигрантами: бразильцы, арабы, турки. Спорт вернул ему уверенность. Там, среди «железа» и борьбы, новые друзья посоветовали ему Академию Безопасности.

Отучившись, Егор получил лицензию инкассатора. Это было попадание в цель. Восемь лет в бронированном фургоне пролетели как один миг. Несмотря на хроническую усталость, недосып и тяжесть ответственности, он впервые почувствовал, что находится на своем месте. Он стал частью системы, которую раньше считал чужой, и научился видеть скрытые механизмы этого мира изнутри.

Глава 7: Дом семьи Мюллер

Егор спал беспокойно, преследуемый обрывками теней прошлого. Когда тишину квартиры разорвал резкий, пронзительный треск телефона, он вздрогнул, едва не упав с кровати. Он потянулся к тумбочке, нащупав аппарат, экран которого слепил глаза в предутренних сумерках.

— Слушаю, — прохрипел он, не скрывая раздражения и проклиная ранний звонок в единственный выходной, когда можно было хотя бы на пару часов забыть о холоде расследований.

— Егор, это Томас, — голос коллеги на том конце провода был напряженным, вибрирующим от едва сдерживаемого волнения. — Извини за рань, но это важно. Герр Клаус Мюллер, отец Пауля, после долгих уговоров готов к встрече. Сегодня в 15:00. Адрес запишешь?

Дом Мюллеров возвышался на холме, окруженный безупречно подстриженными живыми изгородями. Здесь царила тишина — тягучая, давящая, пропитанная ароматом дорогого воска и несбывшихся надежд. Клаус, старший брат Томаса, был внешне пугающе похож на своего родственника: те же волевые скулы, тот же холодный, цепкий взгляд, словно он всю жизнь привык смотреть на людей как на активы в своем балансовом отчете. Его жена, фрау Мюллер, чье лицо казалось высеченным из мрамора, молча поставила перед Егором чашку дымящегося кофе. Она села в глубокое кожаное кресло, вцепившись в подлокотники так, что побелели костяшки пальцев, и посмотрела на детектива с нескрываемой, почти болезненной мольбой:

— Мы верим... мы надеемся, вы докажете, что наш сын не причастен к этому кошмару. Что он не причастен к исчезновению Нины.

Егор отпил обжигающий кофе, чувствуя, как горечь напитка смешивается с привкусом застарелой лжи. Он взял из рук Клауса красную папку — увесистую, холодную, полученную накануне от адвоката сына.

— Я сделаю всё, что в моих силах, — твердо произнес Егор, глядя отцу Пауля прямо в глаза. — Но чтобы найти истину, мне нужны детали, которых нет в полицейских протоколах. Мне нужны ваши скелеты. Даже если они дискредитируют Пауля. Особенно — те, что он так старательно пытался скрыть.

Клаус тяжело вздохнул, и в этом звуке Егор услышал крушение многолетнего карточного домика достоинства:

— В то утро... Пауль был не в себе. Он ездил в Польшу. Он и раньше промышлял мелкой торговлей, дилерскими сделками с наркотиками, и в тот день должен был встретиться с поставщиком. Адвокат категорически запретил упоминать об этом, чтобы не усугублять его положение перед судом. Полиция уверена, что он использовал ту поездку и машину, чтобы вывезти тело к озерам... Но поймите, Пауль может быть кем угодно, но он не убийца!

После встречи Егор вернулся в свою квартиру. Погрузившись в чтение материалов дела, он почувствовал, как старый «тыл» в его сознании — родительский дом на родине — окончательно превращается в декорацию для чужого спектакля. Отношения с семьей остыли до точки абсолютного нуля. Он ярко представил отца — сухого, обиженного человека, который воспринял отъезд Егора как личное предательство. Отец нашел себе замену: зятя, усердного и послуш-

ного, в которого теперь вкладывал всю энергию и семейные сбережения. Егор был вычеркнут, заменен, забыт. Земля уходила из-под ног: он осознал, что в родном доме его больше никто не ждет. Это открытие ударило сильнее, чем любой пропущенный хук на ковре, оставляя в душе тягучую пустоту.

На следующий день на работе царил обманчивая, почти звенящая тишина, пока в торговый зал не вошли двое. Громила ростом под два метра, чья шея была толще ствола молодого дуба, толкал перед собой тележку, а рядом с ним, словно тень, семенил худощавый, дерганный сообщник. «Поляки», — мелькнуло в голове Егора, и инстинкт, выработанный годами борьбы, сработал автоматически.

Они направились прямо в глубину садового центра, туда, где за стеной туй находился неприметный черный ход. Егор скользнул следом, растворившись в тени кустарника. С той стороны забора, на служебной парковке, уже поблескивал боками микроавтобус с открытыми дверями. Трое сообщников, словно муравьи, начали перебрасывать тяжелые чемоданы с инструментом через узкую щель под забором.

— Стоять! Детектив, всем оставаться на местах! — голос Егора прорезал воздух, как удар хлыста.

«Монстр» замер. Он медленно развернулся, окинув Егора оценивающим, почти скучающим взглядом хищника, а затем рванулся в атаку. Мощный оверхенд разрезал пространство, едва не сбив Егора с ног, но тот инстинктивно ушел в защиту, входя в жесткий, плотный клинч. В ту же секунду удар со спины от худого сообщника заставил его пошатнуться, в глазах вспыхнули искры.

Собравшись, Егор сбросил хват, выхватил из-под куртки перцовый баллончик и залил лицо «худого» едкой смесью. Тот взвыл, схватившись за глаза. Громила, поняв, что ситуация вышла из-под контроля, с неожиданной для его массы ловкостью гимнаста перемахнул через забор, погнув секцию профлиста, и прыгнул в пассажирскую дверь микроавтобуса. Худой, отчаянно кашляя и захлебываясь слезами, бросился в сторону центрального входа, пытаясь смешаться с толпой покупателей.

Преследовать их поодиночке было самоубийством — Егор остался на месте, лишь успев сделать на телефон четкое, крупноплановое фото номеров фургона, с визгом уходящего в отрыв. Полиция взяла их по горячим следам через полчаса, перекрыв выезд на шоссе. Егор сидел в своем кабинете, тяжело дыша, сжимая в руках чашку холодной воды и вытирая капли пота со лба. В этой ежедневной борьбе за порядок, в этом адреналиновом хаосе он находил хоть какое-то подобие почвы под ногами, которую так отчаянно терял всякий раз, когда мысли возвращались к далекому, ставшему окончательно чужим дому.

Глава 8: Свидетельства и подозрения

Читая материалы дела перед сном, Егор снова и снова возвращался к нестыковкам. Пауль утверждал, что уехал около девяти утра, но телефон Нины в это время еще был зарегистрирован в домашней сети Wi-Fi. Если он проснулся в восемь и не застал её, как он мог не заметить, что она дома?

Были и другие странности. Свидетели у озера видели красную машину, похожую на авто Пауля, в десять утра — как раз когда он должен был быть уже на автобане. Полиция перевернула всё вверх дном, но ни тела, ни следов. Версия о продаже в секс-рабство выглядела лишь соломинкой, за которую цеплялись родные, отказываясь верить в худшее.

Встреча с Паулем была неизбежна. Егор нашел его в условленном месте — крепкий, широкоплечий парень, бывший атлет. Его рукопожатие было твердым, но глаза бегали, выдавая нервозность.

— Почему ты не расскажешь всё как есть? — прямо спросил Егор, когда дождь забарабанил по крыше машины. — Даже если ты был у дилера, это лучше, чем выглядеть убийцей.

Пауль помрачнел:

— У меня «условка» за наркотики. Еще один инцидент — и я сяду надолго. Дилер всё отрицает, для него я никто. А полиция... они не ищут правду, им нужна жертва. Я не убивал её, Егор.

— А как насчет ее телефона в сети? — Егор впился в него взглядом.

— Не знаю! — Пауль взорвался и, громко хлопнув дверью, вышел под проливной дождь.

Следующим пунктом была Лаура, старшая сестра Нины. Она встретила его в больнице — эффектная блондинка в белом халате, от которой исходила странная, почти гипнотическая энергия. Егор поймал себя на том, что засмотрелся на её бездонные голубые глаза, и тут же одернул себя.

— Мы были очень близки, — тихо говорила Лаура, глядя в стаканчик с кофе. — Она доверяла мне всё.

— А как у неё складывались отношения с Паулем?

Лаура на секунду замялась, прежде чем ответить:

— Они были «на одной волне». Союз двоих. Сначала меня это даже раздражало, казалось, что это флирт, но потом я поняла — для него она была как младшая сестра.

Егор провожал взглядом стройную фигуру Лауры, уходящую вглубь коридоров больницы. В голове пульсировала мысль: ревность — самый страшный мотив. Могла ли сестра, видя эту странную близость между её мужем и Ниной, решиться на крайность? Это меняло всё.

Вечером, сидя в полумраке кабинета, Егор снова перебирал бумаги. В материалах следствия мелькнула деталь: в 7:30 утра Пауль ещё просматривал страницы порносайтов в поисках специфического контента: видео, сосредоточенных исключительно на игре дыхания. Полиция использовала это, чтобы опровергнуть его слова о том, что он спал до восьми. Но если он был в гостинной и «развлекался», значит, он должен был слышать Нину, если она выходила из комнаты? Или... он знал, что она никуда не уходила?

Егор потерял виски. Пазл не складывался. Пауль выглядел искренним, Лаура — безупречной, но именно эта безупречность казалась подозрительной. Завтра нужно было пробить историю с «порносайтами» и выяснить, не было ли у Лауры того утра алиби, о котором не знала полиция.

Глава 9: Рецидив

Глава 9: Рецидив

Когда Егор подумывал, что пора менять жизнь и уходить из инкассации, судьба нанесла сокрушительный удар.

Это была жизнь на грани: бронированные фургоны, тяжесть снаряжения, постоянное напряжение и ранние подъемы, высасывающие силы до капли. Он привык к хронической уста-

лости, считая её неотъемлемой частью профессионализма. Но однажды организм просто отказался подчиняться. То, что началось как резкая боль, закончилось одиннадцатичасовой операцией. Егор очнулся в реанимации, глядя на желто-зеленую листву за окном, и в тот момент мир для него сузился до размеров больничной койки. Это было не просто недомогание — это был крах всего его привычного уклада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.